

18+

ОТТО КЛИДЕРМАН

ГЛОТОК АЛЖИРСКОГО ЩЕРБЕТА

Отто Клидерман

Глоток алжирского щербета

«Издательские решения»

Клидерман О.

Глоток алжирского щербета / О. Клидерман — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510813-5

Призрак графа Филиппа де Колонга, жившего в 15-м веке до сих пор живёт в фамильном замке в Пуату-Шаранта на западе Франции. Только избранным появляется дневник великого путешественника, торговца и археолога. Самый молодой представитель династии Колонгов заслужил доверие таинственного Филиппа, и ему предоставлено право узнать о путешествии его предка в Алжир. Какими были воспоминания Филиппа об этой стране, и что он привёз оттуда, узнает его наследник, молодой врач Френсис де Колонг.

ISBN 978-5-00-510813-5

© Клидерман О.
© Издательские решения

Глоток алжирского щербета

Отто Клидерман

© Отто Клидерман, 2020

ISBN 978-5-0051-0813-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Пуату-Шаранта. Запад Франции.
Наши дни*

Загородный дом семьи де Колонг, который в сущности был настоящим замком, вот уже месяц не пустовал, с того момента, как там появился молодой отпрыск славного их рода, Френсис.

Другие члены величественной фамилии не благоволили очень к старому дому, переходившему по наследству от отца к сыну вот уже пятьсот лет.

Они скорее воспринимали его как дань принять то, от чего невозможно было бы отказаться, так как в завещании пра пра пра прадеда было написано ясно чёрным по белому – фамильный замок де Колонг не может быть продан ни при каких обстоятельствах.

Всё благородное семейство замок незаслуженно недолюбливало, так или иначе они предпочитали жить в своих поместьях, и какова же была их радость в конечном итоге свалить это громоздкое творение средневековой архитектуры на молодого тридцатилетнего родственника!

Теперь пусть сам с ним и возиться.

Итак, едва вернувшись домой из Колумбии на некоторое время, где Френсис остался после университета работать в одной из известных клиник ещё на много лет, молодой человек получает неожиданный подарок.

Молодой, высокий и статный мужчина, облачённый в обыкновенный свитер и джинсы (Слава Богу Филипп не указывал в какой одежде надо было ходить родственникам) находился в кабинете своего пра пра пра деда, великого Филиппа Де Колонга и заломив руки за спину задумчиво смотрел сквозь огромные окна в сад, где трудился садовник, обстригая кусты плюща, придавая им формы согласно опять-таки завещанию деда.

Ничего не должно было измениться ни в доме, ни в саду.

Даже цветы должны быть посажены точно такого вида и даже, чтобы цвет не был в них изменён ни коем образом.

В доме, как и в его кабинете мебель никогда не была переставлена.

Всё оставалось так, как пятьсот лет назад.

Казалось Филипп отсюда никуда и не девался, так покинул не на долго своё излюбленное место.

Родственники же таких требований не вынесли и категорически отказались на проживание тут, а вот молодому наследнику можно было бы и ужиться с требованием сурового предка.

Френсис относился как-то поспокойнее ко всем «капризам» великого Филиппа.

Его не заботило, чтобы тут что-то изменять, напротив он был со всем довольным и если призрак великого деда тут и блуждал, то, наверное, он вздохнул с облегчением – хоть кто-то принял требования в этом его нескромном жилище.

С тех пор, как молодой человек поселился тут – он решил по ближе познакомиться с прошлым Филиппа, поэтому стал частенько захаживать в его небольшой кабинет, который также служил и библиотекой.

Книг тут было изобилие, однако пока молодой аристократ был тут – ему хотелось перечитать дневник бывшего хозяина.

Наверняка у старика было секретов больше, чем дворцов и земель.

Он был состоятельным купцом, историком и археологом в одном лице.

Это по тем временам то!

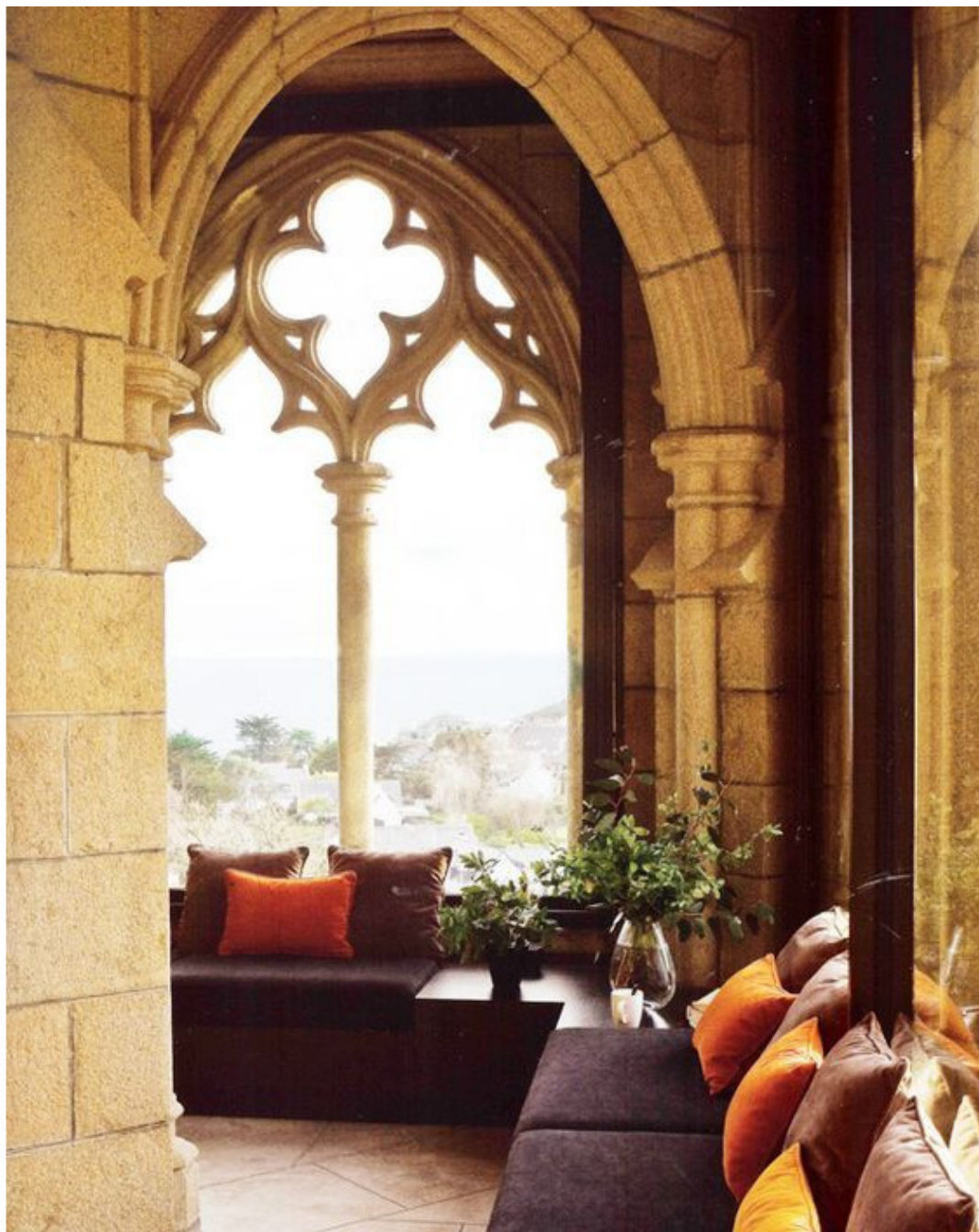
Место, по-видимому служило хозяину его не просто личным пространством, а собственной стихией.

Тут собирались во едино все его воспоминания о всех его путешествиях с которых он привозил множество эмоций, впечатлений, книг, вещей, купленных на рынке, подаренных друзьями, высокопоставленными личностями и которые были частью его души.

Высокие открытые шкафы были заставлены книгами, а впереди них красовалось множество статуэток, разного рода керамики, фарфоровой посуды.....всего этого было в изобилии и конечно же каждая из них это была часть нерассказанной истории.

Она напоминала о ярких и незабываемых событиях, которыми была переполнена жизни Филипа.

Френсис бросил взгляд на место, где любил сидеть Филип и смотреть через окно на сад: дубовое кресло и стол.

На столе оставались письменные принадлежности и несколько старинных вещей – мраморная статуэтка древнегреческой богини Терпсихоры, огромный индийский из красного дерева слон с золотым ошейником и всегда открытый красный бархатный футляр, в котором лежал тонкий предмет из золота с изумрудной россыпью, однако теперь его не оказалось на месте.

Юноша сжимал в руках толстый дневник Филипа, которого не успел ещё открыть, зато в доме уже состоялась кража.

Кто его взял – было не известно, однако ещё вчера он красовался в этом футляре, а сегодня его и след простыл.

В доме до его приезда находился дворецкий Полл и немногочисленная прислуга.

Подозревать Полла было бессмысленно, он был как член семьи и его предки также служили семье де Колонг, но за других не мог ручаться никто, и дворецкий в частности.

Лицо юноши нахмурилось.

Он вообще не понимал, кто мог украсть этот предмет из кабинета, однако Полл с выпученными от ужаса глазами рассказывал ему, что это талисман семьи и довольно важный предмет, который опять – таки капризный пра пра пра дед повелевал держать открытым на столе.

Вот кто-то и воспользовался этой привилегией и украл его.

Внезапно в кабинет вбежал дворецкий со своим неизменным лицом полным ужаса и взволнованно пролепетал:

– Его ищут по всюду, но он бесследно пропал! – Полл готов был уже расплакаться.

– Вы кого-то подозреваете друг мой? – Повернулся к нему Френсис.

– Не могу сказать, но могу сказать точно, что меня сейчас хватит удар! – По виду можно было сказать, что это уже не далеко от истины.

– Нет. Ни один предмет во всём доме не стоит ваших нервов Полл. – Френсис тут же усадил его в кресло на против письменного стола и тут же окликнул горничную принести стакан воды и его саквояж.

– Мы обязательно найдём этот талисман. Сейчас вы примите успокоительное, потом мы с вами выпьем хорошего чая, и вы расскажете подробно что тут творилось за все эти годы, после того, как Филип не жил тут.

Не прошло и пол часа, когда дворецкий немного пришёл в себя и сидя в том же кресле попивал сваренный турецкий кофе вместо чая.

Френсис оставался стоять у окна с любопытством смотря то на работу в саду, то на художника, одетого в деловой серый костюм Полла с длинными чёрными волосами, которые падали ему на плечи.

Он сам напоминал немного успокоившегося призрака.

– Я как-то не спрашивал назначение этого предмета. Для чего он был нужен?

Дворецкий пожал только плечами.

– Со времён моего пра пра пра деда никто и ничего не знал. Хозяин был немногословен. Он часто отсутствовал. Больше этот дом пустовал, нежели видел Филиппа. Единственное, что было позволено нам знать, то только то, что он бывал на востоке, в средиземноморских странах.

– Любопытно. Золотая ничего не напоминающая безделушка, украшенная мелкими изумрудами, а ещё больше любопытна надпись, хотя и выгравирована на итальянском, но ничего не объясняет: «Отъищи врата рая, дабы разрушить иллюзии».

Френсис пытливо посмотрел на дворецкого:

– Чтобы это могло значить?

Тот непонимающе пожал плечами.

– Филип никогда никого ни во что не посвящал. Мои предки говорили, что все его тайны запирались на ключ вот в этом кабинете и хранились под строжайшим секретом. Полагаю, он так ничего и никому и не смог поведать. Не трудно догадаться, что за время его путешествия происходило нечто ужасное, но доказательств тому у нас увы нет.

Неожиданно внимательный взгляд дворецкого был остановлен на старом, толстом, затянутым в серебряную обёртку дневнике, небрежно брошенном на стол.

– А где вы это нашли? – Кивнул он на дневник.

– Так он и был на столе. – Ответил Френсис.

– И когда же?

– Вчера я нашёл его здесь. А что?

– Но этот дневник исчез вместе с хозяином. Только слухи были о таком, что Филипп с ним никогда не расставался. Он появлялся на столе время от времени когда ему вздумалось бы.... Стало быть, деду вы пришили по душе. – Полл томно закрыл глаза. Были видно, что он определённо устал от тайн дома.

– Ну если так, то я рад это слышать. – Улыбнулся молодой человек.

– Нет, это далеко не шутки. Я говорю правду. Мне всё время кажется, что все мои предки всегда служили тому самому человеку, другими словами призраку, так как до сих пор весь этот замок живёт по его законам.

– К вам уже страшно и в гости постучаться. Всё окутано здесь тайнами и приведениями! – Неожиданный голос на пороге заставил вздрогнуть как дворецкого, так и Френсиса. Это был их сосед и друг детства молодого хозяина – Генрих.

– Генрих! – Радостно вскричал Френсис и бросился в объятия у другу. – Дружище, сколько же мы не виделись с тобой!

Гость был точной копией своего давнишнего друга. Такой же худой, высокий, правда тщательно следящий за модой. Это был такой себе утончённый мальчик из высшего общества, который всячески демонстрировал даже таким же друзьям как он сам свою принадлежность к аристократическому роду.

– Добрый день Генрих. – Раздался уctивый голос дворецкого, в голосе которого чувствовалась насмешка.

– Аберкорн! – Вскипел гость. – Для вас я герцог Аберкорн или вас опять подводит память Полл?! – Накинулся он на внешне спокойного дворецкого.

– Да будет тебе дружище. – Тут же похлопал его по плечу Френсис. – Успокойся. Лучше расскажи, как у тебя дела?

Гневные складки на лице гостя стали разглаживаться:

– Хорошо. Вот услышал, что ты обосновался в своём родовом гнёздышке и решил поинтересоваться, как тебе здесь? Мы долго не виделись. Ты был на другом континенте и скоро опять туда возвращаешься. Ты ведь не знаешь обо мне многого. Я ведь серьёзно занялся политикой. Это меня вдохновляет.

– Так ты оставил семейное дело и теперь совершенно отошёл от фабрик отца?

– Это всегда приводило меня в уныние, а в политике я чувствую, что просто в среде таких же, как и сам.

– Но политика – это место такого коварства, лицемерия, хитрости, предательства и грязи, что это скорее может быть состояние души, чем зов сердца. Я больше испытываю радости, когда могу помочь пациенту справиться с недугом, но этим бы в жизни не занимался бы.

– Мой искренний и честный де Колонг. Твои слова просто меня смешат до слёз. И это говорит славный отпрыск такого рода как твой? Многие столетия никто не мог тягаться по силе власти с вашим родом, даже моя семья испытывала жуткое благоговение перед вашими родственниками. А ты вместо того, чтобы показать своё превосходство отбрасываешь такое грозное оружие просто в никуда и говоришь мне о высших ценностях? – Голос Генриха носил отчётливые нотки ничем не прикрытого пренебрежения.

– Пропала сегодня реликвия пра пра пра деда. Я сейчас ни о чём не могу думать, как о том, кто и когда это сделал? – Тяжело вздохнул Френсис.

Генрих бросил взгляд на пустой бархатный футляр.

– Твой пра пра пра дед был человеком-загадкой. Никто никогда не знал, чем он занимается, но все понимали что чтобы он не делал – его руки и помыслы были в грязи, источаемые слова были полны лицемерия и хитрости, поступки полны предательства....откуда же было сколотить такое состояние по-честному? А вот дед твой и дед твоего отца, поражали общество своими приёмами, где демонстрировали привезённые из Греции, Египта, Туниса, Испании невообразимой красоты предметы искусства. Это при том, что оба не просто пытались подражать друг другу, а превосходить во множество раз. Оба имели доступ к археологическим раскопкам и были не просто учёными, а коллекционерами, и уж не знаю какая малая доля доставалась музеям. Музеями были ваши дома, а точнее сказать вот этот замок. Вы затмевали не одну знатную семью, а ты говоришь мне о честности и порядочности.

– Из всех душевных смут зависть – единственная. В которой никто не сознается. Плутарх ок. 45-ок.127 гг. – Парировал спокойно Френсис, смотря бесстрастно на разгневанного и не переставшего жестикулировать друга.

– Твои предки любили сравнивать себя с великим Александром. Их любимая фраза были слова, сказанные полководцем: «Мой отец будет продолжать захватывать земли до тех пор, пока совсем не лишит меня возможности совершить что-то великое!» – Пожаловался однажды Александр. Это был девиз вашей семьи.

– Ты пришёл для того, чтобы всё это сказать мне в лицо, Генрих? – На лице Френсиса не дрогнула ни одна мускула.

– Хотел просто поздороваться, а теперь позлорадствовать. Наконец-то ваш род обзавёлся слабым отпрыском.

– Прощай Генрих. Время покажет кто и где из нас останется. – Френсис тут же отвернулся и стал смотреть через окно, в сад.

– Ты меня не проводишь? – На лице гостя было непередаваемое изумление.

– Ты же сам настоял на встрече, а не я. Насколько я понял мои предки не очень то церемонились ни с вашей семьёй, ни с другими. Почему я должен отступить от их традиций? Полагаю, род де Колонг не держали возле себя тех, чьё поведение они выносили с трудом. Не вижу причины не делать этого впредь. Прощай. Полл проводит тебя.

Генрих тут же покинул кабинет и бросив несколько гневных фраз на ходу дворецкому ушёл не оборачиваясь.

– Его предки были такими же, но ваш род не давал им возможности возвыситься над родом де Колонг. Вы поступили так же, даже если и не могли знать о прошлых с ними отношениях. – Победоносно заключил дворецкий.

– Тогда мы последуем по стопам наших дедов и прадедов. – Пожал плечами Френсис. – Я указал ему на дверь, потому, что он ничего другого и не заслуживал. Ну да ладно. Что говорит прислуга? Как обычно никто и ничего не видел? – Молодой человек опять взял недопитую чашку кофе и немного пригубил из неё.

– А в этом уже нет никакой необходимости. – Полл отбросил с левой руки полотенце и положил странный предмет в бархатный футляр.

Молодой человек с непониманием посмотрел на Полла.

– Его мне бросил в руки наш гость со словами, что этот обожгло пальцы тому, кто его украл для Генриха, то есть для герцога Аберкорна.

– Вот как, стало быть вор всё-таки был один из прислуги? Это было и раньше в их семье или же это качество принадлежит только Генриху?

– Да нет, это что-то новенькое в их славном! роду. – Дворецкий специально сделал ударение на слове «славном».

– Что ж ну и слава Богу! Талисман вернулся на место, и я бы хотел засесть за дневник Филипа. У меня не так много времени. Скоро придётся возвратиться опять в Америку, а я так и не узнал, кто же он был на самом деле.

Френсис сел за стол своего знаменитого пра пра пра деда и раскрыл дневник – время тут же унесло его в далёкий и забытый всеми пятнадцатый век.

«Я никому не могу доверить это, только моему дневнику. Возможно ли признаться кому-либо, что мне пришлось пережить и какой выбор довелось сделать? Можно ли выставить себя в таком свете? Нет. Никогда. Пусть я изложу на страницах всю мою боль, отчаяние и все те чувства, которые оставил я там, в далёкой стране. Я покинул берега Алжира, как оставил частичку моей жизни, в которой я был совершенно другим человеком, непохожим на того, каким привыкли меня знать и видеть. Только прошу небеса однажды встретить того, кого потерял в этом мире, когда уйду в иной мир, если это они сочтут нужным сделать.

Приглашение моего друга, флорентийского художника Фра Филиппо Липпи погостить в его доме означало провести время за карточным столом, хорошим вином и морем развлечений.

Однако на этот раз он взялся рисовать мой портрет, который я уже грезел представить у себя на родине, созвав многочисленные знатные семьи на обозрение, и в тот же день выставить на всеобщее восхищение скульптуру Римской эпохи.

Не могу не сказать о том, что я нашёл её с трудом.

В доме по соседству Липпи в саду, соседствующим с садом моего друга, хозяин дома, архитектор, просто выставил это чудо в самом неприглядном месте, как нечто не представляющее собой ничего интересного. Когда я поинтересовался почему он пренебрегает таким сокровищем Липпи ответил, что его сосед не очень большой ценитель таких вещей и он нашёл её в куче песка, когда строил загородную резиденцию знатного вельможи.

Поначалу статую просто убрали с участка, а после архитектор распорядился завести её в свой дом, оставил в саду и навсегда утратил к ней интерес.

Я был не только поражён красотой полуобнажённой девушки, которую изобразили в образе богини Афродиты, а ещё и тем, кем она была в сущности – сохранилась надпись, которая ошеломила меня ни с чем не похожей своей историей. «Рабыня Грегориана – возлюбленная проконсула Ливия, та, ради которой мужчины становились рабами, та, красота которой умилялись и отвергали, представшая в образе богини любви была наказана за то, что посмела назваться ею. Однажды бесследно исчезла и только образ в камне сохранил её великолепие».

Было понятно, что бывший хозяин скульптуры даже не потрудился прочитать о краткой жизни прекраснейшей.

Я распорядился поставить Грегориану в доме моего друга на видном месте и подобно был сам художником и ценителем красоты, как Липпи, смотрел на неё не отрываясь часами.

В таком состоянии меня и нашёл мой Фра Филиппо, когда вернулся в дом.

– Я готов вот так, позабыв о времени смотреть на женщину, жизнь которой могла напоминать саму драму, ревность, слёзы, тайную любовь, а твой сосед даже не оценил того, что досталось ему так легко.

– Такое часто случается, когда люди не понимают настоящей ценности того, чем обладают. – Липпи наконец имел время осмотреть «рабыню» теперь более внимательно, которую почти не коснулось время – каждая складка её одежды, каждая морщинка, или даже завиток волос, даже выражение надменности на лице женщины, хорошо знающей себе цену, говорили о том, что скульптор был настоящим мастером своего дела и передал в точности, как она существовала в действительности.

– Неизвестный нам мастер сумел увековечить себя, чтобы не раствориться в истории навсегда, либо же он не приложил к этому руку. Выдаётся, что женщина и в правду превратилась в камень по велению Афродиты.

– Никогда не видел тебя таким удовлетворённым, как после покупки почти за символические деньги этой красавицы. – Парировал Фра Филиппо.

– Я готов был заплатить во много раз больше, но твой сосед оказался таким простаком, что я сошёлся с ним в цене, которую заплатил бы за обычный деревянный столик. Ты можешь в это поверить?

– Ты испытываешь такое благоговение от покупки, как я в момент вдохновения берусь за кисти и мир перестаёт для меня существовать. Тогда меня нет, я ухожу совершенно в другое измерение.

– Только не говори сейчас, что ты бы не хотел сделать пару набросков с моего нового приобретения

– Ты хочешь её выгодно продать?

– Ни в коем случае! – Запротестовал я. – Как такое тебе могло в голову прийти? Но неужели у тебя не возникло вдохновенья нарисовать её?

– Обязательно сделаю это, но у меня есть новость, которой поделился мой сосед за твою «красавицу». Оказывается, всё не так просто, как ты себе мог и представить. Архитектор не просто так забросил скульптуру, а потому, что побаивался её ...

– Это ещё почему? – Удивился я.

– А потому, что жила Грегориана в одном из античных городов Байи, который в следствии землетрясения погрузился в воду. Девушка бесследно исчезла из города ещё до потопа. Так вот. Все руины города лежат под водой, но только вот эта скульптура каким-то чудесным образом была найдена на берегу моря, подобно тому, как родилась Афродита, выброшенная из пены морской на берег. А потом твою красавицу трижды похищали. Получается, что даже после земной жизни она остановится у того, у кого сама пожелает, либо же этого пожелает сама Афродита.

Я не нашёлся что сказать на эти слова.

Пребывая с избытком в эмоциях только переводил взгляд от Фра Филиппо на Грегориану и снова на друга.

– Всё. Достаточно чудес на сегодня. У меня вдруг возникла идея. Завтра же мы отправляемся в море на несколько дней на судне моего друга с громким названием «Фортуна». Я прикажу погрузить и твою непокорённую никем рабыню на борт корабля. В открытом море думаю смогу предаться работе, а ты продолжай любоваться ею на свежем воздухе, если захочешь. Полагаю, сама Афродита будет благосклонна к нам с тобой.

Безоблачный день и морские бескрайние просторы внушали лишь блаженство.

В море мы были вот уже пятье сутки.

Нас было трое: хозяин судна, Липпи и я.

Мы частенько сидели в шезлонгах на палубе и просто смотрели на водную гладь, вдыхали запах морской воды и казалось это состояние взяло нас просто в плен.

Полная безмятежность.

Видать мир остановился для нас навсегда, а вскоре нас сморил сон, мы провалились в него как-то внезапно, и казалось спали очень долго, но вдруг нас грубо вырвали из объятий Морфея.

Пребывая в изумление мы не могли принять навалившуюся на нас суровую действительность – «Фортуна» оказалась в руках пиратов.

На нас не одели тяжёлых оков.

Мы так и сидели в креслах с ужасом взирая по сторонам на снующих туда-сюда непрошенных гостей – грубых и неопрятных мужланов, обладающих недюжинной силой и в каждый миг, они готовы были схватиться за длинный кинжал, висящий у каждого на поясе.

А ещё они все как один казались изрядно пьяны.

На удивленье к нам так никто и не отзывался, будто нас не было вовсе.

Владелец «Фортуны» исчез, когда мы с Липпи уснули.

Больше о нём никогда ничего мы так не узнали.

Корабль летел на всех парусах так, словно его ожидали в порту так скоро, как это было возможным.

В каюты больше никто не вернулся — ночь в креслах для нас не казалась холодной.

Отныне мир обретал уже другие окраски и нам было трудно представить, что же нас в сущности ждёт.

– Мы прибыли в Алжир, в город Беджая! – Неожиданно раздался грозный голос незнакомца, выросшего над нами, высокого, крепкого телосложения мужчины, одетого в длинную галабю и огромную чалму на голове, однако в его руках почему-то была папка с эскизами Липпи.

Среди пиратов его мы не видели раньше.

Он демонстративно открыл перед нами собственность моего друга и с любопытством стал разглядывать один рисунок за другим, при этом всё время его брови взлетали вверх.

– Кто это делает? – Его голос был на удивление спокойным.

– Я. – Отозвался Фра Филиппо. – Это мои рисунки.

– У нас не процветает такого рода искусство, я был не раз в Риме. Видел многие красивые работы. А меня нарисовать сможешь?

– Смогу, но мне нужны холсты, кисти и краски. В моей каюте всего этого много.

– Ты получишь всё обратно. Я хочу, чтобы ты рисовал для меня.

Фра Филиппо ничего не оставалось, только как кивнуть согласно головой.

Даже если это была вежливая просьба – это был приказ, и художник тут был на правах пленника.

Его увели в след за новым хозяином, я оставался один тоже не долго.

Вскоре на горизонте появился ещё один незнакомец, ничем не отличающийся по одежде и телосложению от первого, разве что у этого на голове была красная чалма, украшенная большой жемчужиной и чёрная повязка на левом глазу.

Он внимательно оглядел меня с ног до головы, изобразил на лице подобие удовлетворения и дал знак следовать за ним.

Мы сели в карету и долго ехали по грязным и убогим улочкам города.

За окном мелькали маленькие домики, у которых не было окон, укутанные в чёрное женщины с головы до ног с бедно одетыми ребятишками.

Из мечетей доносились голоса муэдзина, а горячие пески пустыни проникали сквозь тонкие занавески всё время.

Казалось от мириад крошечных песчинок не было спасения.

Неожиданно карета резко затормозила, да так, что мы оба повалились на пол друг на друга и мой спутник тут же издал на арабском отборную порцию руганей, запутавшись в своих длинных одеждах, тщетно пытался подняться.

Мне повезло больше.

Я уже стоял на своих ногах и стал помогать моему немногословному попутчику сделать то же самое.....

– Что там такое произошло?! – Окликнул он извозчика.

Однако ему никто не ответил.

Громко крихтя от боли ушибленного колена он распахнул дверцу и не без огромных усилий вылез наружу – дорогу карете преградила какая-то прелестная незнакомка, одетая в яркие одежды.

Она неторопливо собирала рассыпавшиеся свитки по всей дороге, тут же приведя в бешенство моего немногословного спутника.

– Это что ещё такое?! – Тут же вскричал он. – Даже мои лошади не могут устоять перед тобой?! Немедленно убирайся с дороги!

Девушка с каким-то поразительным спокойствием посмотрела на разъярённого человека и продолжила неторопливо свою работу.

– Ты слышала, что я тебе приказал?! Немедленно прочь отсюда, пока я не приказал проехать по тебе моими лошадьми! – Не унимался он.

– Твои лошади не станут топтаться по мне, тому как у них больше достоинства, чем у тебя. – Наконец-то раздался её голос с долей насмешки.

Мой попутчик только стиснул зубы и сжал кулаки. Ещё немного, и он готов был уже кинуться на красавицу и поколотить её, вложив в это занятие всю свою злость.

– Испытываешь моё терпение мерзкая?!

– Не приходи больше ни на одни маджлисы (литературные вечера), либо где будешь ты, там будет моё слово о тебе, как о человеке грубом и некультурном. – Надменно бросила она, держа уже в охапке все разбросанные свитки.

– Я выкуплю тебя у твоего хозяина и продам на базаре за жалкие гроши, падшая женщина. – Процедил сквозь зубы в ответ мой уже многословный спутник.

– Не трудись сделать то, что тебе не под силу. Как ты не можешь прожить и дня без своих лошадей, так и мой господин не в силах расстаться со мной.

Закрытые томно на миг глаза моего попутчика и стиснутые кулаки говорили, что он больше не мог и не хотел пререкаться с этой недостойной его взгляда особой.

Красавица ещё раз презрительно хмыкнула и медленно пошла по улице, игриво виляя бёдрами.

– Кто она такая? – Подошёл я к попутчику, однако не перестав провожать взглядом дерзкую женщину.

– Кайна, рабыня, поэтесса, невольница, которая не знает своего места, даже если за это её могут забить хлыстом на смерть или же продать. Непокорная и непослушная. – Мой попутчик долго провожал её испепеляющим взглядом, пока та не исчезла из виду.

Мы опять сели в карету и продолжили свой путь.

– Разве невольница может свободно передвигаться по улицам где ей вздумается? – Спросил я после некоторой паузы.

– Такие как она никуда не денутся. Принадлежать хозяину и иметь сытую жизнь куда лучше, чем влачить голодное, но свободное существование на улицах.

Вскоре мой спутник стал внимательно заглядывать под занавеску: было видно, что карета поворачивает куда-то в дом и вскоре ворота закрылись за нами.

Незнакомец сделал знак мне выходить и в миг я очутился в раю – огромный двухэтажный дворец окутывал сад со своими яркими красками, маленькими журчащими фонтанчиками и громким щебетом птиц, сидящих в клетках.

Я чувствовал, как меня переполняют эмоции, это было состояние, когда было трудно даже дышать от неожиданного восторга.

На мгновение я даже забыл, что здесь я всего лишь на жалком положении – похищенный кем-то.

Однако мой восторг сменился неожиданным страхом – я просто кожей почувствовал, что кто-то внимательно сверлил меня взглядом. Тогда я повернулся и посмотрел в упор на стоящего в тени незнакомца, но он так и продолжал смотреть на меня не сводя глаз.

Тогда я отвернулся.

Мой попутчик жестом указал на вход во дворец и тут же последовал обратно к карете.

Вход в дом вёл сразу в салон, и слуга предложил мне присесть на мягком пурпурного цвета диване, тут же подав мне большую чашку ароматного чая, из которой очень вкусно пахло. Но я не решился испить из неё первым, так и держал её в своих руках, хотя мне и нужно было выпить чего-то горячего, чтобы прийти в себя от пережитого.

Как для раба приём уж был слишком хорошим, однако цена за это должна была быть велика.

Богатое убранство дома в восточном стиле предполагало увидеть здесь зажиточного алжирского купца или же халифа, однако напротив меня сел человек вполне европейской внешности, и тут же сдержанно улыбнулся.

Он лет сорока, был высок и крепок, хорошо сложен.

Нужно было отметить, что был он достаточно красив и само собой разумеется каждая манера говорила о его высоком происхождении.

Было заметно, что восточная одежда шла вразрез с его желанием носить её, но это была вынужденная мера.

– Вам нужно выпить это, граф. Я знаю, что пережитое за эту ночь стало для вас большим потрясением, однако тут вы не раб. Вы должны сразу это понять. Вы мой гость. Меня зовут Бернардо Абрандес. Вы во временном моём доме, скромном жилище посла Кастилии. Мне довелось покинуть двор и прибыть сюда.

Я вздохнул с облегчением.

– Но тогда почему наш корабль атаквали и моего друга увели в другой дом?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.